РОМАН С. А. АНДРЕЕВСКОГО «КНИГА О СМЕРТИ» В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Т. И. Скрипникова

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Поступила в редакцию 20 ноября 2024 г.

Аннотация: в статье выявляются модернистские тенденции в малоизученном автобиографическом романе С. А. Андреевского «Книга о смерти» (1922) — литературного критика, писателя, пришедшего из юриспруденции. Его литературно-критические статьи, стихотворения публиковались во многих известных и популярных периодических изданиях, заслужив высокую оценку современников, в частности А. Г. Горнфельда, З. Гиппиус, З. Венгеровой, Ф. Д. Батюшкова, Д. С. Мережковского и др. Эта тема представляет интерес для изучения реалистического искусства начала XX века, когда происходит активное взаимодействие писателей реалистического направления с новыми модернистскими течениями, в том числе с символизмом.

Ключевые слова: С. А. Андреевский, автобиографический роман, писатели «второго ряда», автобиографические материалы, эсхатологические тенденции.

Abstract: the article reveals modernist tendencies in the little-studied autobiographical novel by S. A. Andreevsky, "The Book of Death" (1922), a literary critic and writer who came from jurisprudence. His literary-critical articles and poems were published in many well-known and popular periodicals, earning high praise from his contemporaries, in particular A. G. Gornfeld, Z. Gippius, Z. Vengerova, F. D. Batyushkov, D. S. Merezhkovsky, and others. This topic is of interest for the study of realistic art of the early twentieth century, when there was an active interaction between writers of the realistic trend and new modernist trends, including symbolism.

Keywords: S. A. Andreevsky, autobiographical novel, second-tier writers, autobiographical materials, eschatological tendencies.

Русская литература чрезвычайно богата на таланты, поэтому часто произведения писателей так называемого «второго ряда» остаются незамеченными или вовсе навсегда забываются. Однако в связи с появлением все большего количества архивных источников и новых материалов происходит переоценка многих явлений культурного, литературного процесса начала XX века. «Объектом внимания становятся не только общеизвестные, значимые события и явления, но и малоизученные, например, деятельность писателей «второго ряда», в частности пришедших в литературу из юриспруденции. Достаточно назвать такие имена, как А. Ф. Кони, С. А. Андреевский, А. И. Урусов» [1, 3] Известно, что крупнейшие явления литературы складываются, в том числе, и из усилий малозаметных или ныне забытых писателей и литературных деятелей. Поэтому так важно понимать историко-литературное значение малоизвестных или вовсе канувших в лету произведений, их роль и место в литературном процессе своего времени. В связи с этим обращение к творчеству писателей и литературных деятелей в том числе «второго ряда» в связи с крупными именами, такими, например, как И. А. Бунин, представляется актуальным и обоснованным. Объектом исследо-

вания для нашей работы стал малоизученный, автобиографический роман «Книга о смерти» (1922) С. А. Андреевского — литературного критика, пришедшего из юриспруденции. Его литературно-критические статьи, публицистика, стихотворения публиковались во многих известных и популярных периодических изданиях, таких как: «Новое время», «Русская мысль», «Мир искусств», «Ежегодник императорских театров» и др. Некоторые из этих работ были включены автором в сборник «Литературные чтения» (СПб., 1891, третье и четвертое издания под названием «Литературные очерки», СПб., 1902, 1913) и заслужили высокую оценку современников, в частности А. Г. Горнфельда, З. Гиппиус, З. Венгеровой, Ф. Д. Батюшкова, Д. С. Мережковского и др.

Жанр автобиографического романа в русской литературе начала XX века стал важной составляющей в многообразии литературного процесса рубежа веков. «Тяготение к автобиографизму в разных его проявлениях охватило почти все наиболее значимые литературные течения эпохи», — писал Д. Максимов о литературной ситуации конца XIX — начала XX века [2, 46]. Действительно, использование автобиографических материалов в художественном творчестве становится закономерностью как в XIX веке, в реалистической, так и литературе Серебряного века. Традиция автобиографической прозы представле-

на, например, такими известными классическим произведениями, как «Былое и думы» А. И. Герцена, «Детство», «Отрочество», «Юность» Л. Н. Толстого, «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, «Лето Господне» И. С. Шмелева, «Детство», «В людях», «Мои университеты» М. Горького, «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина и др. Поэтому творчество С. А. Андреевского здесь не стало исключением, текст «Книги о смерти», представляющий собой образец мемуарной литературы, созданный на рубеже XIX–XX веков в традиционном ключе классической автобиографии, и главный герой, по замечанию самого автора, автобиографично точны от начала и до конца. Документальная в своей основе «Книга о смерти» написана в лучших традициях классической русской литературы XIX — начала XX вв., на что указывали еще критики-современники: Д. П. Святополк-Мирский, З. А. Венгерова, З. Н. Гиппиус, А. Ф. Кони и др., сравнивавшие мемуары Андреевского с произведениями И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, И. А. Бунина. Современников поразила не только основная тема и сосредоточенность автора на собственных чувствах и размышлениях, связанных с осмыслением религиозно-философских аспектов жизни и смерти, но и особый характер повествования, своеобразие языка «Книги о смерти». Например, Д. П. Святополк-Мирский в статье «Адвокаты-литераторы» писал о том, что в конце XIX — начале XX века в адвокатской среде сложилась корпорация блестящих ее представителей, снискавших славу самых лучших ораторов того времени, порой прибегающих и к чисто литературной работе. Критик считает, что в главном своем произведении «Книга о смерти» Андреевский раскрылся как изящный и тонкий прозаик, прилежный и умный ученик Лермонтова, Тургенева и Флобера. А глава о смерти его старшей сестры Маши, по мнению Д. П. Святополк-Мирского, «заслуживает высокого места в русской литературе. Она великолепна по искреннему анализу собственных чувств, по живости рассказа и по выдержанному ритму, которого не встретишь ни у Лермонтова, ни у Тургенева. ... Это одно из прекраснейших достижений русской прозы» [3].

Не обошел своим вниманием творчество С. А. Андреевского и его друг, известный юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, судебный оратор А. Ф. Кони. В статье «С. А. Андреевский (По личным воспоминаниям)» он писал: «Книга о смерти» представляет многолетний отчет Андреевского самому себе о всех его переживаниях, изложенных с большою искренностью и чрезвычайной откровенностью. Она отчасти напоминает собою «Confession» [«Исповедь»] Руссо, будучи своего рода исповедью сына последнего века, с большой душой и скептическим умом. Хотя в ней много ярких воспоминаний о жизни, о встречах, о далеком детстве и юности, много живых описаний современной

автору «злобы дня», но она все-таки вполне оправдывает свое название. Да! Ее главное содержание — смерть — царит во множестве художественно и просто, прочувствованно и строго написанных страницах. <...> ...однако былая его безнадёжность уступает в ней, не без колебаний, под несомненным влиянием впечатлений ранней молодости, взгляду, более успокоенному и примиренному с «тайнственным руководством судьбы». <...> Кроме рассуждений о тех вопросах, которые Гейне называл «проклятыми» и остающимися без «прямого ответа», «Книга о смерти» заключает в себе ряд остроумных афоризмов и во многом поучительные для историка нашей общественности картины былого помещичьего быта и барской обстановки, а также меткие характеристики многих из современных автору заметных деятелей» [4].

З. Гиппиус в работе под названием «Всё непонятно. О Сергее Аркадьевиче Андреевском», в целом рассказывая об идее создания «Книги смерти» и о главе «Смерть сестры Маши», отмечала: «...написал «Смерть сестры Маши». «Само написалось», — говорил он. Прочитал в тесном кружке, у нас. Все мы пришли в восторг от художественности отрывка. <...>. В художественном отношении эта часть не хуже лучшего Бунина; но есть в ней еще воздушная тонкость, нездешнее очарование первой влюбленности, тень тени от крыла Эроса, — тотчас вырастающая в черную тень крыла Смерти. Это, конечно, лучшая глава книги. Лишь отдельные страницы из последующих можно поставить с ней рядом» [5, 3–5].

Необходимо отметить, что в первой новой книге 10 тома «Литературного наследства» (2019), посвященного И. А. Бунину, публикуются неизвестные ранее стихотворения и проза писателя, его неоконченные литературно-критические статьи. Важной находкой для нас явился тот факт, что сам И. А. Бунин в III части «Наброски, тематически близкие роману «Жизнь Арсеньева»» приведенной им фразой «Отдался течению дней» [3] цитирует С. А. Андреевского. В примечаниях Е. Р. Пономарева находим следующую информацию: «Цитируется «Книга о смерти» С. А. Андреевского. В оригинале: «Я отдался течению дней»... Это сочинение в жанровом плане (автобиографический нарратив, начинающийся с детства и юности) могло повлиять на замысел «Жизни Арсеньева»» [6, 200]. Мы вполне согласны с этим утверждением, «Книга о смерти», напечатанная в 1922 году, имеет художественные параллели с романом И. А. Бунина, написанным спустя несколько лет, в 1927 году: оба произведения скреплены общностью концепции, например, объединены усадебной и эсхатологической топикой» и способом отражения событий авторской жизни — автобиографизмом. Только у И. А. Бунина — это автобиографизм вымышленного лица, в то время как у С. Андреевского — это реальная автобиография его самого.

Как известно автобиографический роман, отличающийся большим видовым многообразием, современные исследователи по праву считают важной составной частью литературного процесса начала XX века, актуализирующей образ усадьбы. В автобиографической литературе для создания целостного и емкого образа национальной жизни известные русские писатели конца XIX — начала XX веков часто прибегали к «усадебной топике», то есть изображению дворянского быта. Речь идет о преемственности литературных связей художников, типологическом родстве личностного и творческого менталитета их прозы, воссоздающей, с одной стороны, усадебный быт, с другой — бытие типического героя-современника и его философское осмысления мира в произведениях. Хрестоматийный образ помещицкой усадьбы и ее обитателей, берущий свое начало со страниц А. С. Пушкина, И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, сложился к концу XIX — началу XX веков, наконец, в «систему устойчивых художественных символов и лейтмотивов», окруженных узнаваемым «образно-семантическим ореолом». Так в литературе рубежа «усадебная топика» преобразовалась в «усадебный миф» [6, 216]. «Книга о смерти» С. А. Андреевского представляет собой классический пример реалистического искусства начала XX века, активно взаимодействующего с новыми модернистскими течениями, в том числе с символизмом, когда превалируют не столько события, сколько впечатления, которые и вызывают ослабление фабулы, при этом главенствует не развитие событийного действия, человеческих отношений, «а динамика внутренней, прихотливо и напряженно текущей жизни героя, метаморфозы его настроений, ощущений, эмоциональных реакций» [7, 13]. Текст «Книги о смерти» С. А. Андреевского представляет собой сложно организованное целое, включающее в себя написанную преимущественно в традиционном ключе автобиографию, где Андреевский рассказывает о своих детских и юношеских годах, приводит заметки, дневниковые записи, связанные с конкретными событиями из своей жизни или его друзей и знакомых, все это перемежая с философскими размышлениями о смысле человеческой жизни. Материалом для мемуариста служат истории жизни и смерти реальных людей, которых он знал лично, с которыми был связан родством или дружбой (например, А. Ф. Кони, Е. Чаплин, П. А. Александров, А. И. Урусов). Нередко сходным побудительным мотивом для повествования становится осмысление произведений русских и европейских классиков, известия о смерти известных писателей (например, Л. Н. Толстого), посещение в Париже могил выдающихся людей (Ги де Мопассана, М. Башкирцевой). Так писатель в рамках модели автобиографизма обращается к значимым явлениям общественно-политической жизни страны, отражая, например, события первой русской революции, похороны российского импера-

тора Александра III. Таким образом, одним из специфических признаков модернизма «Книги смерти» является ослабление фабулы в тексте, когда главенствует не динамика внешнего событийного действия, человеческих отношений, а внутренняя, прихотливо и напряженно текущая жизнь героя, метаморфозы его настроений, ощущений, эмоциональных реакций. Одним из проявлений модернизма в русской литературе является и обобщенный взгляд на жизненный поток, воспринятый в единстве и одновременно в многообразии и изменчивости, а именно пристальное внимание к «обыденности». Отсюда принципиально новое отношение писателя в тексте к случайному, «незначительному», когда неважное и знаменательное присутствуют одновременно, охваченные обобщенным (исчерпывающим) взглядом художника, составляя в целом сложную картину полноты бытия. Это отчетливо проявляется у С. А. Андреевского в многочисленных живописных портретных и пейзажных зарисовках, в изображении деталей интерьера и многого другого. Например: «Яркое солнце светит на скатерть. Узкий стакан с белым вином отбрасывает длинную тень, на которой внизу горит желтый треугольник, как в зажигательном стекле. Вино искрится и отливает цветами на тонком хрустале. И когда, отпив вина, поставишь стакан, то на его тени бегают извилистые светлые жилки с темными краями, — отражение стекающих капель... Как велика жизнь, когда она проявляется в этих волшебных мелочах!» [3]. Так пристальное внимание авторов к «мелочи», детали, хранящейся в памяти, личный экзистенциальный опыт постижения ее «границы» порождает преобразенный памятью образ-проекцию на бесконечно переменчивое, обусловленное жизненными контекстами, бытие — символ жизни, радости, противопоставленное небытию, смерти.

Центральное место в произведении С. Андреевского помимо становления автобиографического героя и памяти занимает тема рода и усадьбы, а одной из главных сюжетных линий произведения является постоянное ретроспективное возвращение героя в родительское гнездо, родовое поместье. Действие в «Книге смерти» начинается, как это и положено в автобиографических романах, с первых детских воспоминаний об усадьбе и семье, сначала отрывочных, потом все более связных. Андреевский пишет, что детство его (до 9 лет) проходило в поместье Веселая Гора — чудесном, живописном селе на берегу Донца, с громадным барским домом в сорок комнат. «Здесь я проживал с прабабушкой и ее компаньонкой почти в полном одиночестве» («Книга о смерти») [3]. Усадебная жизнь семьи героя, как и полагалась в прежние времена, зиждилась на православном укладе, на соборном предстоянии детей и взрослых перед Богом. Последнее подразумевало участие всех членов семьи в церковных Таинствах, молитве, посте, трудах и праздничных приготовлениях, напри-

мер, к Светлому дню Рождества или Пасхе. Все это задавало ритм и составляло сущностное содержание семейного быта, построенного в соответствии с православным церковным календарем, одухотворяло его, наполняя глубоким внутренним смыслом. «К Пасхе приготавлился длинный стол с волшебными блюдами и вокруг масляного барашка клалась первая травка — кресс-салат, — которую заранее сеяли в цветочный горшок и затем выращивали под стеклянной запотелой банкою на том окне, на котором чаще всего светило солнце. И эта курчавая нежная травка пахла такую свежую крепостью!» [3].

Последовательность фрагментов “Книги смерти”, хронологически обусловленной жанром, часто дается чисто ассоциативно, что способствует воссозданию не связанных между собою «впечатлений бытия», неразрывно связанных с главными темами, обозначенными в заглавии книг — темами жизни и смерти. Интерес к эсхатологической топике был характерен для многих известных деятелей культуры и модернистской литературы рубежа веков, тема смерти часто становилась предметом обсуждения в различных религиозно-философских и литературно-художественных собраниях. «Эсхатологичность революционной эпохи проявилась в трех предложенных историческим Апокалипсисом вариантах подхода к теме смерти, представленных в трех основных направлениях движения литературного потока: в модернистском, прежде всего символистском; в классическом, продолжающем реалистическую традицию; и в только зарождающейся, находящейся на стадии становления массовой литературе» [8, 68]. Характерной особенностью «Книги смерти» является то, что писатель пытается осмыслить явление эсхатологизма в произведении в контексте всей своей жизни. Ключевым переживанием героя, определяющим сюжетное и символическое содержание структуры автобиографического текста, становится смерть во всей ее материальной подлинности и грубости и в то же время в ее связи с жизнью, молодостью, непрерывностью бытия. Известно, что эта тема получает особое идейное и композиционное воплощение в автобиографической прозе о детстве, актуализирующей тему усадьбы, в творчестве многих известных писателей. «Художественное воссоздание мотива смерти в детских переживаниях автобиографических героев определяет глубину экзистенциального опыта, а также яркость истока формирования стиля и мироощущения писателя» [9, 79–84]. Неслучайно у главного героя в «Книге смерти» с раннего детства слово “мертвый” вызывало чувство холода и грусти. «Первый покойник», о котором услышал юный Андреевский, был дедушка Андрей Яковлевич, бывший владелец Веселой Горы, затем в первом томе показана череда смертей (полугодичный ребенок тетки Евгений, убитый родной дядя по матери — Родион, смерть

от тифа одноклассников, от чахотки учителя математики, затем шестилетнего брата от дизентерии и др.). Необходимо заметить, что вся вторая глава полностью посвящена подробному описанию болезни, умирания и похорон старшей 17-летней сестры Андреевского Маши.

Мотив смерти является важным структурно-семантическим компонентом автобиографического текста в русской литературе, онтологическим событием, знаменующим собой окончание детства героя, начало нового этапа в жизни (например, у Л. Н. Толстого в повести «Детство» «счастливая пора детства» Николеньки Иртеньева заканчивается после кончины матери, через 3 дня все возвращаются в Москву). В «Книге смерти» утрата сестры также знаменует собой новый период учебы и взросления героя. По мысли П. М. Бицилли, с тайной смерти особой диалектикой мистики связана тайна рождения. «Исходным пунктом диалектической работы в этом направлении служит основная идея мистики смерти: смерть есть рождение в новую жизнь. *Stirb und werde!*» (Умири и стань!) (нем.) [10, 181]. Примечательно, что в первых главах «Книги смерти» С. Андреевского, как и в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», который ранее в литературной параллели уже приводили в работе, есть абсолютно схожие по смыслу и глубине авторского замысла высказывания: «Не рождаемся ли мы с чувством смерти? А если нет, если бы не подозревал, любил ли бы я жизнь так, как люблю и любил?» («Жизни Арсеньева») [11, 7]. «Словом, та именно жизнь, которую мы теперь так страстно любим, ни под каким видом не могла бы быть такою, как теперь, если бы не было смерти» («Книга о смерти») [3].

Полоса социального пессимизма, сгустившаяся атмосфера отчаяния, ощущение свершившейся катастрофы и утрата веры в завтрашний день заострили внимание известных писателей и поэтов начала XX века на вечной теме смерти, в трактовке которой появились новые оттенки. «Революция и война воздвигли вокруг свидетеля народившегося века живые картины изображающей смерти. В искусстве авангарда рухнули классическая геометрия прямой перспективы и эстетика жизнеподобия. <...> Мифология мирового зла, Танатоса и эстетские программы суицида заняли в быту и творчестве символистов центральное место» [12, 18]. Отражением концентрации апокалиптических тенденций в литературе стал, например, альманах с символическим названием «Смерть» (1910), где, по выражению критики, поэты, прозаики и публицисты разных литературных лагерей «кокотничали со смертью». В нем в широком диапазоне были представлены все вариации модной темы: «от бессильно-фаталистического приятия неизбежной смерти» («Земная» В. Муйжеля) и «пронзительного декадентского страха» перед ней («Западная» Г. Чулкова) до извращенной поэтизации

(«Страдания» Н. Архипова) и цинично-величавой проповеди («Смерть старика Тона» А. Каменского)» [13, 593]. Альманах содержит также 3 статьи В. Розанова, И. Репина, Н. Абрамовича, посвященные одному герою — смерти. В статье «Смерть» художник И. Репин пишет: «Только у животных, у диких да у нас, русских, жизнь не имеет никакой цены. Особое счастье полудиких — в преступности <...>; в грабежах, в убийствах дикарь срывает свою злобу на все, что подвергается ему укором его злодейству. <...> Завладеть всем и загадить *все собою*... Может ли быть что-нибудь отвратительнее такого бессмертного!!» [12, 229]. Н. Я. Абрамович в эссе «Смерть и художники слова “Взыскующие Града”» отмечает: «Но пока что — века за веками — из тесноты кишащей на земле человеческой жизни раздаются крики тоски и алкания... А отъединившиеся в пустынях отшельники страдают пустотой своего одиночества при незаглушаемом душевном голоде» [12, 219]. В статье «Смерть» философ В. Розанов также делает страшное заключение: «Смерть — ужас, безобразие, разлом. Смерть — катастрофа. Всякая. Для всякого. Смерть — зло, которое приходит разрушить жизнь, а точнее, конкретную частную жизнь... Смерть вырывает человека из тепла, уюта и любви, поэтому главное отношение к смерти — ужас [12, 180].

С. А. Андреевский в своем творчестве, модернизируя автобиографический жанр, не прошел мимо эсхатологических тенденций начала XX в. Однако в отличие от упомянутых художников Серебряного века в «Книге смерти» нет отказа от христианского взгляда на вечную жизнь, скорее наоборот, показано принятие смерти, которая для него не менее значительна и таинственна, чем жизнь, обозначено философское смирение перед неизбежным. Доминантой «Книги смерти» является сама жизнь, наполненная «случайностями», на первый взгляд незначительными событиями, конечная в эмпирическом времени, но бесконечная в Боге. Незадолго до смерти (9.11.1919 г.) С. А. Андреевский сказал: «Но после долгих терзаний, в конце концов, я чувствую, что со смертью мы отходим к Богу, под его крыло. Из-под этого крыла мы вышли на свет — и под него укроемся... Да будет!» [3]

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Скрипникова Т. И., к. филол. н., доцент кафедры русского и иностранного языков

E-mail: skripnikova77@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Жиглий Ю. В. Литературно-критическая деятельность С. А. Андреевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Жиглий Ю. В.; Казанский гос. ун-т. — Казань, 2006. — 24 с.
2. Максимов Д. Е. Идея пути в поэтическом сознании Блока / Д. Е. Максимов // Блоковский, сборник, том 11. — Тарту, 1972. — С. 25–122.
3. Андреевский Сергей Аркадьевич: Собрание сочинений / С. А. Андреевский. — Режим доступа: http://az.lib.ru/a/andreewskij_s_a/index.shtml#gr5. (Дата обращения 20.11.2024).
4. Кони А. Ф. Воспоминания о писателях / А. Ф. Кони / Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. — М.: Правда, 1989. — 656 с.
5. Гиппиус З. Н. Звено. «Все непонятно. О Сергее Аркадьевиче Андреевском» // Гиппиус З. Н. Париж, 1926. — 9 мая. — № 171.
6. Литературное наследство/Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. — М. 1931. Том 110: И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 1184 с.
7. Кундаева Н. Н. Жанровые тенденции в русской малой импрессионистской прозе первой трети XX века: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2013.
8. Цветова Н. С. Эсхатологическая топика русской традиционной прозы второй половины XX в. — СПб.: Факт филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 220 с.
9. Кудряшова А. А. Стилистическое своеобразие мотива смерти в автобиографической прозе Л. Н. Толстого и И. А. Бунина // Приволжский научный вестник. — Том 2–2013. — № 8 (24). — 346 с.
10. Бицилли П. М. Трагедия русской культуры: исследования, статьи, рецензии / сост., вступ. ст., коммент. М. Васильевой. — М.: Рус. путь, 2000. — 608 с.
11. Бунин И. А. Собрание сочинений в 9 томах / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1966. — Т. 6. — 340 с.
12. Исупов К. Г. Русская философия смерти (XVIII–XX вв.) / К. Г. Исупов // Русская философия смерти. Антология / Сост., вступ. ст., коммент. К. Г. Исупова. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. — 664 с.
13. История русской литературы: В 4-х томах. Т. 4: Литература конца XIX — начала XX века (1881–1917) / Редкол.: гл. ред. Н. И. Пруцков и др.; Ред. тома К. Д. Муратова. — Ленинград: Наука, 1983. — 782 с.

Voronezh State Agrarian University named after Peter the Great

Skripnikova T. I., Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages

E-mail: skripnikova77@rambler.ru